

Пройдет столетье, и для всех
Все обновится: плач и смех,
Одежда, мысль, беда, успех;
Век этот новый, век живой
Пройдет, оставив за собой
Прах незаметный, твой и мой;
Пусть, возвышаясь, он царит,
Он, верю, больше совершит,
Чем наш непросветленный быт.
«1967», Томас Гарди (1867)¹

Эти пятьдесят лет были замечательными для всего мира...
Подумать только, чего бы мы лишились, если бы никогда
в жизни не слышали *The Beatles*.

*Королева Елизавета II,
в речи на праздновании своей золотой свадьбы,
ноябрь 1997 г.*

¹ Перев. Н. Герн. — Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Брайан Эпстайн и его личный помощник Алистер Тейлор, оба в строгих черных костюмах и при галстуках, спускаются по крутой лестнице из восемнадцати¹ ступенек во влажную духоту подвального помещения на Мэтью-стрит. Брайану оно напоминает «глубокую могилу: темень, сырость и вонючка». Он уже жалеет, что пришел. И он, и Тейлор охотнее отправились бы на концерт классической музыки в филармонию, но любопытство взяло верх. На сцену неторопливо выходят четверо молодых музыкантов. Брайан узнает в них завсегдатаев семейного музыкального магазина, которым он управляет: эти парни вечно торчат в кабинках, слушают свежие пластинки и треплются с девочками, но покупать ничего не покупают.

Между песнями трое молодчиков с гитарами орут друг на друга, сквернословят, поворачиваются спиной к зрителям и в шутку обмениваются тумакми. Тейлор видит, как Брайан удивленно округляет глаза. Тейлор потрясен и шокирован — «тебя словно бьют» — и уверен, что те же чувства испытывает и Брайан.

После концерта Тейлор говорит:

— Они просто УЖАСНЫ.

— Они и ВПРЯМЬ ужасны, — соглашается Брайан, — но, по-моему, они классные. Идем поздороваемся.

Джордж первым из битлов замечает, что к ним идет человек из музыкального магазина.

— Привет, — говорит он. — Что привело к нам мистера Эпстайна?

¹ По другим сведениям, ступенек в клубе «Кэверн» не 18, а 17.

У других групп были фронтмены, то есть любимчика выбирали за вас. В те годы никто не сказал бы, что любит Хэнка Марвина больше Клиффа Ричарда¹ или Майка Смита — больше, чем Дейва Кларка².

То ли дело «Битлз» — выбирай не хочу, а уж выбор покажет, кто вы есть. Кэролин Си³, поклонница из Америки, считала, что «Пол — для тех, кто предпочитает андрогинную красоту; Джон — для ценителей интеллекта и остроумия; Джордж обладал чем-то неопишмым, что позднее определяют как духовность; а Ринго был святым покровителем неудачников».

Линда Грант⁴ из Ливерпуля в двенадцать лет запала на Ринго, хотя «сама себе не могла объяснить свой выбор». В школе, вспоминает она, с ней училась «одна паинька, которой нравился Пол. Джордж был вроде никакой, а Джон казался недоступным, слишком пугающим».

Ринго был битлом для девочек без амбиций. Выбираешь его, значит склонна к реализму. То есть других уже разобрали, но можно еще попытаться крохотный шанс с барабанщиком. «Когда меня спрашивали, кто мне нравится, я отвечала: „О, мне — Ринго“, — вспоминает Фран Лебовиц⁵, выросшая в Нью-Джерси. — В Ринго Старре мне нравилась, да и сейчас нравится, личность. Конечно, любимцем девочек у нас в школе он не был, с большим отрывом уступал Полу Маккартни, битлу-красавчику. Так что выбор Ринго Старра наверняка был обусловлен чувством противоречия».

¹ *Хэнк Марвин* (Брайан Робсон Рэнкин, р. 1941) — британский музыкант и вокалист, лидер-гитарист британской группы *The Shadows*, где солистом с 1958 г. был *Клифф Ричард* (Гарри Роджер Уэбб, р. 1940), до начала битломании признанный кумир британских подростков, наравне с Элвисом Пресли.

² *Майкл Джордж Смит* (1943–2008) — солист и клавишник британской группы *Dave Clark Five*, основателем которой был *Дейв Кларк* (р. 1939) — фронтмен, продюсер и барабанщик группы, в начале 1960-х гг. составлявший серьезную конкуренцию «Битлз».

³ *Кэролин Си* (1934–2016) — известная американская писательница и литературный критик.

⁴ *Линда Грант* (р. 1951) — британская писательница и журналист, дважды номинировалась на Букеровскую премию.

⁵ *Франсес Энн Лебовиц* (р. 1950) — американская писательница, актриса, сатирик и литературный критик.

В 1963 году шестнадцатилетняя Хелен Шапиро¹ была признанной звездой, и на ее гастролях «Битлз» выступали на разогреве. Однако же, как и у любой девчонки, у нее имелся свой любимый битл. «Джон был уже женат, хотя тогда об этом еще не знали, так что я, вместе с тысячами других девчонок, была в него влюблена... Джордж казался самым серьезным. Время от времени он делился планами на будущее, что сделает, когда разбогатеет, и выспрашивал у меня о финансовой стороне дела. Помощи от меня, правда, было мало. Деньги меня по-прежнему не интересовали. Пол высказывался за всех их, а Ринго молчал».

Патти Бойд² познакомилась с «Битлз», когда ее выбрали на роль одной из школьниц в фильме «A Hard Day's Night»³. «На первый взгляд, Джон казался самым циничным и наглым, а Ринго — самым милым. Пол был симпатягой, а Джордж — самым красивым парнем, какого я встречала: бархатисто-карие глаза и темно-каштановые волосы». Но Патти не просто увлеклась Джорджем, как миллионы прочих поклонниц, а добилась куда большего. Читатель, она вышла за него замуж!

Битлы были на любой вкус. Фанаты, выбирая того или иного, выражали себя. Каждый из битлов воплощал одну из стихий: Джон — огонь, Пол — воду, Джордж — воздух, Ринго — землю. Даже друзья для их описаний выбирали основные краски, подчеркивая контраст характеров, будто в каком-нибудь анекдоте, мол, встретились как-то англичанин, валлиец, ирландец и шотландец... Кэролин Си отмечала, как в «A Hard Day's Night» они показали свои типажи: «Пол вышел милашкой, Джон острословом, Джордж был задумчивым, а Ринго валял дурака».

Актер Виктор Спинетти⁴ рассказывал об одном случае. Тогда в Зальцбурге, на съемках фильма «Help!»⁵, он свалился с гриппом. «В номере отеля меня навестили битлы. Первым явился Джордж Харрисон. Постучался, вошел и сказал: „Я взобью тебе подушки. Должен же кто-то взбивать больному подушки“. Он взбил мне подушки — и был таков. После него пришел Джон

¹ *Хелен Кейт Шапиро* (р. 1946) — английская исполнительница, в 14 лет ставшая звездой; три ее сингла лидировали в британском хит-параде 1961 г., а в 1962 г. ее признали лучшей певицей страны. Подробнее о ней см. главу 24.

² *Патрисия Энн Бойд* (р. 1944) — английская фотомодель и фотограф, в 1966 г. вышла замуж за Джорджа Харрисона, развелась с ним в 1974 г., а в 1979 г. стала женой Эрика Клэптона.

³ «Вечер трудного дня» — фильм режиссера Ричарда Лестера, снятый в 1964 г., где главные роли исполнили «Битлз».

⁴ *Витторио Джорджио Андре Спинетти* (1929–2012) — британский актер, писатель и поэт, снялся в трех фильмах «Битлз» («A Hard Day's Night» (1964), «Help!» (1965) и «Magical Mystery Tour» (1967)).

⁵ «На помощь!» — музыкальная приключенческая комедия с участием «Битлз», снятая режиссером Ричардом Лестером в 1965 г.

Леннон и давай маршировать туда-сюда по комнате, выкрикивая: „*Sieg heil, Schweinhund!*“¹ К тебе идут врачи. Будут ставить на тебе опыты. *Sieg heil! Heil Hitler!*“. Потом был Ринго. Он сел у моей кровати и, взяв меню из гостиничного ресторана, стал, как ребеночку, читать: „Жили-были три медведя. Мама-медведица, Папа-медведь и Мишка-малышка“. Когда он ушел, Пол приоткрыл дверь и спросил в щелку: „Это заразно?“ Я сказал: „Да“. Пол закрыл дверь, и больше я его не видел». Прагматичный Пол остался верен себе, сообразив, что если он или кто-то еще подхватит грипп, то съемки встанут.

Работавший с Брайаном Эпстайном Алистер Тейлор заметил, насколько по-разному битлы относятся к деньгам. «Брайан каждый месяц вручал ребятам банковские выписки — все аккуратненько, постатейно, в плотных белых конвертах. Принимали их битлы кто как. Джон комкал и совал в карман, Джордж еще мог взглянуть на бумаги. Ринго же явно в них не разбирался и поэтому не тратил времени, пытаясь понять. А вот Пол осторожно вскрывал конверт, садился в углу кабинета и часами скрупулезно изучал цифры».

С возрастом разница в характерах стала заметнее. Как будто битлы строили рожицы, кто во что горазд, а потом каким-то волшебством так и остались каждый со своей. Когда их спросили, кого из знаменитостей поместить на конверт «*Sergeant Pepper*»², Джордж предложил индийских гуру, а Пол — различных деятелей искусства, от Штокхаузена до Фреда Астера. Кандидатуры Джона зловеще выбивались из общей картины: маркиз де Сад, Эдгар Аллан По, Иисус, Гитлер. Ринго просто заранее согласился с выбором других.

Конечно, группа вращалась вокруг полярных фигур Пола и Джона. Звукорежиссер Джефф Эмерик наблюдал за ними во время работы: «Таких разных людей надо было еще поискать. Организованный и дотошный Пол всюду носил с собой блокнот, в который убористым почерком методично заносил аккорды и тексты песен. Безалаберный Джон записывал мысли на клочках бумаги, какие только под руку подвернутся. Пол был прирожденным оратором; Джон едва умел формулировать мысли. Пол был дипломатом; Джон — агитатором. Пол говорил учтиво и стремился к безукоризненной вежливости; Джон был горлопаном и не гнушался грубостей. Пол готов был часами шлифовать одну партию, а нетерпеливый Джон спешил перейти к следующей. Пол точно знал, чего хочет, и частенько обижался на критику, а толстокожий Джон был всегда открыт чужому мнению».

Джон был нервным, требовательным и желчным; Пол — мягким, располагающим к себе и уступчивым, однако некоторым за этой ширмой обаяния виделась расчетливость, если не сказать корысть. Тони Барроу, пресс-атташе

1 Свинья (нем.).

2 Имеется в виду восьмой студийный альбом «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» («Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера», 1967), здесь и далее — «Sgt. Pepper».

«Битлз», считал, что «самым отчаянным спорщиком, особенно в конфликтах с Эпстайном, был Джон, однако на амбразуру его толкал именно Пол. Сам он вступал под конец, договариваться. Порой Джон доводил Брайана до слез, а дипломатичный Пол, добываясь своего, действовал мягко. Джон не так больно кусал, как громко лаял. Криками он маскировал свою низкую самооценку... Пол сулил людям золотые горы: билеты, подарки, — а выполнять эти обещания поручал людям вроде меня. Выставляя себя благодетелем, он был щедр на обещания, но скуп на дела. Обаятельный, прямо подарок в плане пиара, мастер создать себе имидж, он до мозга костей был и остается подлинным шоуменом. Живет обожанием публики».

Обладатель по-юношески наивного лица, Пол был дотошен, боек, дипломатичен, энергичен, гармоничен, вкрадчив, оптимистичен, общителен, задорен, сентиментален, заботлив. Джон — угловат, склочен, неряшлив, капризен, упрям, ленив, противоречив, раздражителен, язвителен, пессимистичен, эгоистичен, угрюм, замкнут, суров. Пол считал, что заслуживает всеобщей любви, а Джон — что ничьей любви не заслуживает.

Однажды Пол попытался объяснить, как они дошли до жизни такой: «Воспитание, нестабильность в семье вынуждали Джона проявлять твердость, остроумие, всегда быть начеку и отвечать шпильками. Я же рос в комфортных условиях, в окружении родных и друзей, воспитывался в типичных северных традициях — тебе вечно готовы подлить чайку и зовут „душенькой“, — поэтому с общением у меня проблем нет. Я могу успокоить, разговаривать, полюбезничать. Вообще, я люблю любезничать... Душевных травм мне никто не причинял, а вот Джону, который рос без отца, постоянно приходилось слышать: „Где же твой папаша, ублюдок?“ У его матери был сожитель, а тогда это называлось „жить во грехе“. Еще одно больное место Джона. Он постоянно ощущал себя под ударом, и это формировало его характер... Так что тараканы у него в голове будь здоров, еще с детства».

Особенная сила музыки битлов, ее магия и красота, заключается в переплетении этих противоположностей. Прочие группы были громкими или глубокомысленными, прогрессивными или традиционными, трагичными или жизнерадостными, с уклоном в фолк, романтику или агрессию. Но стоит услышать альбом «Битлз», как понимаешь, что в нем вся человеческая жизнь. Как говорил Джон — когда они с Полом сочиняли вместе, — Пол «вкладывал в песню легкость и оптимизм, а я всегда привносил грустинку, диссонанс, оттенки блюза». Именно тонко сбалансированное натяжение такого вот тянитолкая и делало их величайшие мелодии такими выразительными, универсальными и одновременно специфичными.

Уже подростками они целенаправленно подходили к написанию песен. Пол прогуливал уроки в школе, а Джон присоединялся к нему в доме Мак-

картни на Фортлин-роуд. Пол открывал школьную тетрадку в синюю линейку и на чистом листе писал: «Новое оригинальное произведение Леннона — Маккартни», и вместе они тут же принимались сочинять новый текст. Оглядываясь назад, Пол не смог припомнить ни одного бесплодного дня. «Мы ни разу не посидели впустую... За все те годы мы ни разу не разошлись после встречи со словами: „Не пишется, и хрен с ним“».

Бывало, что вклад каждого из них в одну и ту же песню выделялся так остро, что казалось, будто они изображают собственные карикатуры. Пол придумывает: «We can work it out» («Мы еще можем все поправить»), и тут же Джон подрезает его: «Life is very short» («Жизнь очень коротка»)¹. Пол поет: «It's getting better» («Дела налаживаются»), а Джон встречает: «Can't get much worse» («Хуже быть не может»)². В песне «A Day in the Life»³ кому, как не Джону, одержимому чтением газет, полагается смеяться над новостью о человеке, которому в машине вышибло мозги; и кому, как не бесшабашному Полу, — просыпаться утром и, выскочив из кровати, проводить гребнем по волосам.

Во многих других песнях легкие мелодии, а стихи — мрачные или же музыка тягостная, а стихи — светлые. В словах к «Help!»⁴, «Run for Your Life»⁵, «Misery»⁶ и «Maxwell's Silver Hammer»⁷ так и сквозит депрессия и психоз, но положены они на бойкий мотив. Сольные произведения, когда соавторы-соперники не перетягивают канат, лишены этого измерения инаковости; Джон раз за разом впадает в жалость к себе, а Пол фантазирует*.

Время шло, их сотрудничество сходило на нет, и все чаще они сочиняли песни порознь. Однако взаимный дух соперничества их не оставил и вел дальше; каждый искал одобрения другого. «Они были идеальной парой, — писал критик Иэн Макдональд⁸. — Они смеялись над одним и тем же, думали с одинаковой скоростью, уважали талант друг друга и знали, что их негласное стремление превзойти и удивить друг друга было ключевым для поддержания жизни в их музыке».

1 Из песни «We Can Work It Out» («Мы еще можем все поправить»), выпущенной синглом в 1965 г.

2 Из песни «Getting Better» («Становится лучше») с альбома «Sgt. Pepper».

3 «День из жизни» — последняя песня с альбома «Sgt. Pepper».

4 «На помощь!» — песня с пятого студийного альбома «Help!» (1965).

5 «Спасайся» — завершающая композиция альбома «Rubber Soul».

6 «Страдание» — песня с дебютного альбома «Please Please Me» (1963).

7 «Серебряный молоток Максвелла» — песня с одиннадцатого студийного альбома «Abbey Road» (1969).

8 Иэн Макдональд (Иэн Маккормик, 1948–2003) — английский музыкальный критик, автор книги «Revolution in the Head: The Beatles Records and the Sixties» («Переворот в умах: записи „Битлз“ и шестидесятые»), посвященной анализу творчества «Битлз» и содержащей ряд критических и субъективных мнений.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

* Через четырнадцать лет после распада «Битлз» Пол рассказывал Стиву Гранту, музыкальному критику, ведущему колонку в журнале «Тайм-аут»: «Я знаю, что утратил хватку... Мне нужна инъекция чего-то извне, стимул, которого больше нет. И помните, что стимул давали все битлы вместе: если Ринго или Джорджу что-то не нравилось, мы это выбрасывали. Без такого внешнего стимула мои творения стали более попсовыми, хотя я всегда лучше справлялся с балладами и песнями про любовь». В то же время Джон оставался недоволен тем, что его песни брали относительно реже. «Его порой раздражало, что песни Пола перепевали чаще, чем его, — сказала в 2008 году Йоко Филипу Норману. — Он, бывало, говорил: „Вечно они берут песни Пола, а не мой“. В 2019 году Пол с улыбкой рассказывал журналистке Би-би-си Эмили Мейтлис, как злился Джон, когда входил в вестибюли нью-йоркских отелей, а пианисты там, желая снискать его расположения, тут же принимались вычурно наигрывать «Yesterday».

Конец ноября 1940 г.

Мэри Мохин тридцать лет, а она все не замужем. Мать Мэри скончалась в 1919-м, когда рожала пятого ребенка, который тоже не выжил. Мэри тогда было десять. Возможно, эта пережитая в столь раннем возрасте трагедия и повлияла на ее решение стать акушеркой. Своей цели она добилась, и даже с лихвой: теперь она старшая медсестра палаты.

Джиму Маккартни уже тридцать восемь, а он так и не женат. У своей матери он был пятым ребенком, но только третьим, кто прожил дольше двух лет. Ему не исполнилось и четырнадцати, когда он оставил школу и устроился на службу в хлопкоторговую компанию. Он стал брокером и прилично зарабатывает¹. Однако главное его увлечение — игра на трубе в собственном ансамбле из шести-восьми человек, *Jim Mac's Band*. Они исполняют все самые модные танцевальные мелодии, из которых любимейшая у Джима — это «I'll Build a Stairway to Paradise»².

Глухой на одно ухо, Джим избежал призыва в войну, но прикомандирован к пожарной бригаде Фезекерли³. С самого августа немцы бомбят Ливерпуль; сильнее страдает только Лондон*. Неким образом простоватый ливерпульский юмор помогает держаться. На Арнольд-Гроув в доме Харрисонов выбило окна и осколками посекло кожаный диван, который приберегали для особых случаев. «Знала бы, что этим кончится, сидели бы на нем все эти годы», — говорит миссис Харрисон.

Мэри снимает комнату у сестры Джима, Джин. Мэри с Джимом уже несколько лет хорошо знакомы, но о романтических отношениях и не думали.

¹ По другим сведениям, во время Второй мировой Джим Маккартни отправился на инженерную службу, а хлопковая торговля тогда испытывала трудности. Сомнительно, чтобы он по-прежнему продавал хлопок и «прилично зарабатывал».

² «Я построю лестницу в рай» — песня американского композитора и пианиста Джорджа Гершвина, написанная в 1922 г. на слова его старшего брата Айры Гершвина.

³ Район на севере Ливерпуля.

(а)

Этим вечером в небе показались нацистские бомбардировщики. Джин с Мэри навещают мать Джима на Скаргрин-авеню, и как раз в это время раздаются сирены. Приходится им остаться у нее и переждать налет. Сыплются бомбы, а Джим и Мэри несколько часов болтают и, к тому времени, как раздается сигнал о том, что в небе чисто, сознают, что созданы друг для друга. После недолгой помолвки, 15 апреля 1941 года, они женятся; спустя год у Мэри рождается первый ребенок, мальчик, которого окрестили Джеймс Пол Маккартни.

(б)

Этим вечером тихо. Сирены не звучат. Зазвучат они завтра ночью, когда Джин и Мэри думали остаться дома. Выходит так, что Джиму и Мэри не удастся поговорить по душам, и каждый идет своей дорогой. Джеймс Пол Маккартни так и не родился.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

* Во время Блица погибло больше 4000 ливерпульцев.

Нам было велено собраться в Спик-Холле, в пригороде Ливерпуля. Национальный фонд объектов исторического интереса или природной красоты описывает этот особняк как «редкостный образец тюдоровской фахверковой архитектуры, расположенный на живописном берегу реки Мерси». Как говорится в путеводителе, поместье «пережило более 400 лет беспокойной истории».

Час был ранний, вот я и знакомился с гостевым комплексом — это постройка, а не состояние, — разглядывая кружки, шарфы, мыло и книги о Тюдорах. «Ты книжный червь? Пролитай нашу подборку книг для взрослых и детей и открой для себя новое отличное чтение!»

Вскоре бойкий водитель по имени Джо собрал нас в кучу и проводил к микроавтобусу. Там он спросил, кто откуда будет. Выяснилось, что трое из Испании, двое из Италии, четверо из Австралии, двое из Австрии и четверо из Англии. Еще несколько человек купили билеты, но задержались, и нам пришлось их ждать. Наконец к автобусу бросились две молодые женщины, отчаянно размахивая руками. «Сейчас мы их попугаем, — сказал Джо, включил зажигание и тронулся с места. Женщины замахали еще отчаянней. — А сейчас посмотрим, как слезы сменяются улыбками», — произнес Джо, останавливаясь и впуская опоздавших.

Как только мы оставили Спик-Холл позади, Джо нажал на панели кнопку, и динамики в салоне взорвались песней «Love Me Do»¹.

— Эт' чё за мусор? — выкрикнул австралиец.

— Я знаю, кто идет пешком! — ответил Джо. — Выпустим его из салона, а потом его переедем!

Было очень весело.

Скоро мы уже были на Фортлин-роуд, вдоль которой тянулся ряд неприемчатальных домов, в которые редко, а то и вовсе не заглядывают члены Национального фонда.

¹ «Люби же меня» — дебютный сингл «Битлз» (1962).

В 1995 году Национальный фонд купил дом номер 20 по Фортлин-роуд — по предложению тогдашнего генерального директора Би-би-си Джона Бёрта*, уроженца Ливерпуля, который заметил, что дом выставлен на продажу. Семь лет спустя Национальному фонду перешел и дом, где рос Джон Леннон, — «Мендипс» на Менлав-авеню, после того как его купила Йоко Оно. Тогда она объявила: «Узнав, что дом продается, я испугалась, что он попадет не в те руки и на нем попытаются нажиться. Вот я и решила купить его и пожертвовать Национальному фонду, чтобы за ним присматривали и пускали в него посетителей. Я в восторге, что Национальный фонд взял дом под опеку».

Однако решение это одобрили не все. Тим Нокс, бывший тогда главным куратором** Национального фонда, заявил, что он «в ярости». Он считал, что основной критерий, по которому фонд принимает недвижимость под опеку, — подлинная художественная и архитектурная ценность — забыт в угоду дешевому популизму. «Это рекламные маневры, а не серьезные приобретения, — сказал он, добавив полшутя: — Теперь придется купить еще четыре дома, чтобы не обидеть Ринго».

Остальные согласились. «С точки зрения архитектуры дом не более и не менее интересен, чем любой другой дом на одну семью в ряду соседних домов с фактурно оштукатуренными наружными стенами, в любом другом районе, населенном представителями среднего класса, — говорил архитектурный критик Стивен Бейли***. — Его особенная ценность заключается в опосредованной, мистической связи с гением. На беду историков архитектуры из фонда, из дома вынесли практически все содержимое, а следовательно, в нем не осталось никакой опосредованной, мистической связи с телевизором гения, кухонной утварью или еще какими-нибудь артефактами, которые могли бы позволить приобщиться к вдохновению, подарившему нам такой поток блестящих слов и музыки. Все это пришлось поддельвать».

Национальный фонд [...] гордится доступом к экспертизе. У него в штате ведущие мировые историки архитектуры; вот они-то и отправились скупать вещи, чтобы воссоздать дом Леннона. Но когда высокоученые эксперты отправляются в волшебное таинственное путешествие¹ к подозрительным ливерпульским дельцам, чтобы приобрести у них всякий хлам, разговоры об экспертизе звучат глупо и смешно. Хлипким аптечным шкафчиком восхищаются из-за его аутентичности. Линолеум изучают так же пристально, как рельеф Донателло. Конические ножки от телевизора они отыскивали, а вот сам

¹ Отсылка к девятому студийному альбому «Magical Mystery Tour» (1967) и одноименному фильму.

„ящик“ — уже нет... Раз ж вы ступили на долгую и извилистую дорогу¹ фальсификации, то где остановитесь? Ответ — в мире грез народной памяти и фантазий».

Однако Национальный фонд все это не смущает. «Вообразите, как входите на кухню через черный ход, где тетя Леннона, Мими, готовила ему ужин» — гласит сквозящее благоговением описание «Мендипс». Дом преподносят как религиозную святыню, место паломничества. «Следуйте за нашим восхитительным экскурсоводом по закоулкам памяти... Спальня Джона — очень атмосферное место, где можно побыть наедине со своими мыслями об этом невероятном человеке...»

Паломников в «Мендипс» ожидают правила и ограничения строже, чем в Сикстинской капелле. «Фотосъемка или запись аудиотура строго запрещены. При входе в дом вас попросят сдать все сумки, камеры и звукозаписывающую аппаратуру».

И уж конечно, пройдет совсем немного времени, прежде чем какой-нибудь пилигрим узрит в «Мендипс» некое чудо: слепой обретет зрение, калека встанет и пойдет или какой-нибудь маленькой девочке будет явление матери Джона, Джулии, — и тогда еще больше паломников повалит на Менлав-авеню, образуя стройные очереди в ожидании увидеть то самое место, где Джулия преставилась.

Пока пассажиры нашего микроавтобуса потихоньку выгружались из салона, позади нас еще больше людей вывалило из автобуса «Волшебного таинственного путешествия», а позади него из такси выбралось четыре немца. У калитки дома номер 20 по Фортлин-роуд кипела толпа гостей со всего мира: в футболках с символикой «Битлз», они позировали для селфи. Металлический знак у дома гласит: «Фамильный дом, гордость семейства Маккартни — Джима, Мэри, Пола и Майка. Доступен благодаря Национальному фонду».

Я потихоньку продвигался к голове очереди. Заранее (сильно заранее) забронированный официальный тур по обоим домам битлов обошелся мне в 31 фунт (включая путеводители), и я теперь боялся, как бы приехавшие с неофициальным туром не протиснулись мимо экскурсовода и, работая локтями, не заняли мое место в доме Пола. К счастью, водитель Джо стоял неподалеку и присматривал за избранными. Наша маленькая группа с важным видом прошествовала в садик перед домом номер 20 по Фортлин-роуд, и за нами, к нашему удовлетворению, заперли калитку, отгородив всех остальных.

¹ Отсылка к песне «Long and Winding Road» с последнего, двенадцатого студийного альбома «Let It Be» (1970).

Наш экскурсовод от Национального фонда представилась Сильвией. За год она проводит по дому, где прошло детство Пола, 12 000 человек: по двадцать человек за раз, четыре раза на день. Манера ее речи наводит на мысли о Гиацинте Бакет¹. Из садика она радушно приглашает нас пройти в дом номер 20 по Фортлин-роуд. Тут, говорит она, Пол прожил восемь лет; «очень важные восемь лет для его музыки. Одним из первых гостей Пола был Джордж Харрисон. Он приносил с собой гитару».

В толпе зашептались. Похоже, начинала формироваться обещанная Стивенном Бейли мистическая связь.

— А потом начал захаживать и Джон Леннон: он на велосипеде срезал через поле для гольфа, и дорога занимала у него менее десяти минут. А в комнате позади вас, — она указала рукой, — Джон с Полом и устраивались, когда писали песни. К тому времени, когда Пол отсюда съехал, был конец шестьдесят третьего года, то есть битлы уже попали в чарты, их показывали по телевизору. Пол, однако, по-прежнему возвращался сюда до самого конца шестьдесят третьего года, ночевал в своей спальне наверху. Из битлов он последним перебрался в Лондон. И поэтому, когда семья Маккартни... извините, вы там что, записываете?

Я замер. Я и правда скрытно записывал речь Сильвии на мобильник, но оказалось, что обращается она к одному из австралийцев, что стоял возле нее. Тот принялся уверять ее, мол, нет, ничего он не записывает.

— Правда? — с подозрением отозвалась Сильвия. — Прошу прощения, просто мне это не нравится, — пробормотала она, не сразу возвращаясь в прежнее русло. — Э-э... когда... э-э... семья Маккартни... В общем, э-э... Когда Маккартни сюда переехали, э-э, это были муниципальные дома, то есть Маккартни домом не владели и, как и все здешние жители, платили муниципалитету аренду.

Незаметно для Сильви я продолжал записывать — держал мобильник как можно небрежнее, чтобы не привлекать внимания. Это щекотало нервышки, будто я воровал товары в магазине под самым носом у охранника.

— За прошедшие годы, как вы понимаете, окрестные дома выкупили у муниципалитета, новые владельцы сменили двери и окна. Когда Национальный фонд приобрел этот дом двадцать два года назад, тут были новые фасадные окна, но члены фонда заметили, что в доме напротив сохранились старые рамы, и заключили сделку с соседями: они получили новые окна, а мы вернули сюда старые. Теперь он выглядит в точности так, как в то время, когда здесь жила семья Пола.

¹ *Гиацинта Бакет* — героиня британского комедийного телесериала «Соблюдая приличия» («Keeping Up Appearances», 1990–1995), которая всеми силами пытается подняться по социальной лестнице.

Мы все послушно уставились на фасадные окна, дивясь тому, что они выглядят именно так, как и должны были выглядеть, пока не стали выглядеть иначе. Я же тем временем продолжал записывать, а тревожное предчувствие разоблачения все нарастало.

— Так, ладушки, если кто-то хочет сфотографироваться у переднего фасада дома, просто дайте мне свой мобильный или фотоаппарат. Встаньте у края окна, чтобы я могла взять вас в кадр, теснее. — Группы гостей встали, улыбаясь от уха до уха, у старой парадной двери Пола, ну или двери, поставленной на ее место, чтобы напоминала подлинную дверь, которой, естественно, не была. — Это все? Все в кадре?

Сильвия предупредила, что в доме и в садике на заднем дворе снимки делать запрещено:

— На то есть особая причина. В доме повсюду висят авторские фотографии, сделанные Майком, младшим братом Пола. Мы очень рады были их заполучить. Они вам понравятся. Но если их начнут фотографировать, Майк их заберет.

Мы переместились в садик на заднем дворе. На обложке буклета Национального фонда перечисляются «5 вещей в доме номер 20 на Фортлин-роуд, достойных внимания». Первая описывается как «Водосточная труба на заднем фасаде. После смерти матери Пола его отец требовал, чтобы оба его сына возвращались домой к ужину, потому что вечером он запирает двери на замок и в дом их не пускал. Опаздывали братья неизбежно, поэтому всякий раз бежали на задний дворик, взбирались по водосточной трубе и влезали в окошко ванной, которое на такой случай держали приоткрытым». Пока мы главели на трубу — или, точнее, на копию трубы, — Сильвия пересказала эту забавную байку практически слово в слово.

— Итак, прежде чем пройти в дом, сдайте мне свои сумки и фотоаппараты, а если у вас есть мобильный телефон, то выключите его и тоже отдайте мне. Телефонов у вас в карманах быть не должно.

С этими словами Сильвия завела нас в дом. Гости выстроились в очередь, сдавая ей телефоны и камеры, словно на границе какой-нибудь особенно нервной страны. Гаджеты Сильвия закрыла в шкафу под лестницей. Я же послушался правил и спрятал телефон в карман, о чем немедленно пожалел. Во время всей экскурсии я с ужасом ждал, что кто-нибудь мне позвонит: рингтон сработает как тревожная сирена, по сигналу которой меня раскроют и пристыдят.

Мы втиснулись в гостиную, обклеенную тремя разными видами обоев — «Маккартни купили остатки рулонов», — ни одни из которых не были подлинными. Не были подлинными ни коричневое кресло, ни массивный телевизор из 1950-х, ни журнальный столик, как не были подлинными и ковры.

— Эту комнату Маккартни называли залой. Национальный фонд воссоздал ее, опираясь на старые фотографии и семейные воспоминания, — сказала Сильвия. На вопрос, подлинное ли пианино, она ответила: нет. — Пол все еще владеет отцовским домом и останавливается в нем во время визитов в Ливерпуль. Там-то и стоит подлинное пианино. Джим, бывало, играл на нем «The Entertainer»¹. Ну, знаете? Скотт Джоплин. Если вспомнить Скотта Джоплина и песню Пола «When I'm Sixty-Four»², то влияние сразу становится заметным... Папа Джим был хорошим музыкантом-самоучкой. Пол пошел по стопам отца. После нескольких уроков он сказал: «Буду как папа. Сам всему научусь». Тут он сочинил «World Without Love»³ и самое начало «Michelle»⁴ писал тоже тут, и «Love Me Do»... Они сидели здесь, когда писали ее. Пол сидел вот здесь и писал «I'll Follow the Sun»⁵. — Она указала на фото Джона с Полом на стене. — Песня, которую они дописывают на этом снимке, — это «I Saw Her Standing There»...⁶ Еще одна песня, которую они тогда довели до ума, была «Please Please Me»⁷.

То и дело Сильвия пыталась выставить это как нечто личное, начиная предложения словами: «Пол мне рассказывал...», например: «Пол мне рассказывал: „Мы пережили несколько печальных лет, но большую часть времени мы были счастливы“». Или: «Вот здесь была столовая. Пол мне рассказывал: „После смерти мамы мы тут больше не ели“». Она добавила: «Пол мне рассказывал: „Многие сочли, что песня «Let It Be»⁸ — про Деву Марию, но она о моей матери, которая всегда говорила: «Будь что будет»«. Таких историй я за долгие годы начитался****, но Сильвии, видимо, доставляло удовольствие сообщать о том, что она слышала их лично от Пола; как будто мы и сами потом еще много лет будет кайфовать, сообщая всем, что слышали это от человека, который слышал это от Пола напрямую.

Мы гуськом прошли в кухню.

— Напольную плитку не меняли. На этом кафеле постояли все битлы... разве что Ринго всего дважды, ведь он появился последним.

Мы воззрились на священную плитку у нас под ногами.

— Подлинная мойка обнаружилась в саду, где ее использовали как садовый горшок, и фонд вернул ее на изначальное место.

¹ «Затейник» (1902) — популярный регтайм-тустеп афроамериканского композитора и пианиста Скотта Джоплина (1868–1917).

² «Когда мне будет 64» — песня с альбома «Sgt. Pepper», сочиненная Маккартни в 14 лет.

³ «Мир без любви» — песня, написанная Маккартни и в 1964 г. исполненная дуэтом *Peter and Gordon*.

⁴ «Мишель» — песня с альбома «Rubber Soul».

⁵ «Я пойду за солнцем» — песня с альбома «Beatles for Sale» (1964).

⁶ «С тех пор, как я ее заметил» — первая песня с дебютного альбома «Please Please Me» (1963).

⁷ «Пожалуйста, обрадуй меня» — оттуда же.

⁸ «Пусть будет так» — песня с последнего студийного альбома «Let It Be».

Мы с благоговением взглянули на кухонную мойку, вообразив, как юный Пол в поте лица намывает тарелки.

Подлинного в кухне только плитка да мойка, все остальное — приличные копии, найденные экспертами фонда: пакет мыльных хлопьев «Люкс», маргарин «Сторк», чайная жестянка и жестянка из-под печенья, радиоприемник, сушилка для белья. Фотографии всех этих предметов — бытовые эквиваленты групп-двойников — можно приобрести на сайте Национального фонда: фотоснимки проигрывателя 1950-х, пылесоса, хлебницы, щипцов для стирки, сковородки, чайника, бельевых прищепок, скалки. Все это рачительно каталогизировано, словно экспонаты из лондонского Тауэра. Фотография деревянной ложки (дата: 1960–1962 гг., 260 мм; материал: дерево) подписана как: «Исторический предмет из категории „приготовление пищи и напитков“; краткое описание: деревянная ложка в миске на буфете».

Также можно приобрести фото чайного ситечка, коврика у входа, сковороды, вешалки для одежды или «ведра эмалированного с черной кромкой и ручкой с деревянной ухваткой; дата неизвестна».

И конечно, гордость коллекции — «ведро мусорное, металлическое, дата: 1940–1960 гг.; краткое описание: металлическое мусорное ведро с отдельной крышкой (плюс запасная крышка в угольном сарае)». Вообразите себя старым помятым мусорным ведром годов так 1940–1960-х: с какой гордостью вы стали бы ключевым экспонатом Национального фонда, чтобы ежегодно вами восхищались 12 000 гостей просто за то, что вы в точности похожи на ведро, в которое семья Маккартни когда-то выбрасывала мусор!

Пока мы все еще толпились внизу, я, вконец перепугавшись, что мне позвонят, незаметно отключил-таки телефон и стал делать пометки вручную.

— Линолеум на полу точь-точь как тот самый, — сказала Сильвия, — нам удалось его раздобыть, а шкаф, куда я убрала ваши сумки, ну, именно туда Пол, наверное, вешал свою куртку, а порой и кожаные брюки. Простите, вы записываете? Зачем вы записываете?

Я испуганно сообразил, что Сильвия обращается ко мне.

— Для кого это?

— Для себя, — ответил я.

— Я просто хотела убедиться, что вы не журналист.

— Так я журналист. Пишу книгу.

— Мне не нравится, что вы делаете пометки.

— Почему?

— Потому, что многое из того, что я вам рассказываю, было рассказано мне Майком, а это личные сведения.

— Какие же они личные? Вы сами говорили, что пересказываете их двенадцати тысячам человек ежегодно.

— Простите, но вы меня смущаете. Как, говорите, вас зовут?

Так мы стояли и препирались посреди гостиной Маккартни, очень жарким августовским днем. В конце концов мы пришли к некоему соглашению: я не буду записывать то, что Сильвия сочтет строго конфиденциальным. Однако она то и дело бросала на меня подозрительные взгляды. Я чувствовал, что попутчики сторонятся меня, будто я испортил воздух.

Наконец нас допустили наверх. Сильвия провела нас в спальню Пола. На его кровати лежала акустическая гитара, настроенная под левшу. Само собой, гитара была не подлинная. Еще на кровати были пластинки, альбом для зарисовок и экземпляр «Нью мюзикл экспресс»¹.

— Мы собрали всевозможные вещицы, которые были у него в комнате. Например, книги о птицах — Пол был заядлым орнитологом-любителем. А вот еще, но это строго конфиденциально, — добавила она, пронзив меня взглядом, как ножом. — Пол рассказывал мне, что ему нравилось смотреть на поля, они тогда принадлежали полицейскому колледжу. Ему нравилось наблюдать за полицейскими лошадьми на заднем поле.

И лишь позднее, листая цветной путеводитель Национального фонд по дому номер 20 на Фортлин-роуд, я случайно наткнулся на этот пассаж в предисловии от Пола: «Из нашего дома был виден полицейский колледж, и с крыши сарая мы бесплатно смотрели ежегодный парад полиции».

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

* Джон Бёрт был генеральным директором Би-би-си с 1992 по 2000 год. Летом 1962 года он устроился на каникулах вышибалой в саутпортский Кембридж-Холл, где битлы выступали два вечера подряд, тогда как звездами были *Joe Brown and the Bruvvers*. После первого концерта ему с приятелем велели охранять гримерку битлов от — как он сам выразился — «двух десятков моих сверстниц, которые были все в слезах и на эмоциях». Одна из них оказалась «первой красавицей Формби. Мы каждый день видели ее в электричке по пути в школу. Она была красоткой не нашего уровня и на нас внимания не обращала. Еще никто в моем кругу с ней не разговаривал». Она молила Бёрта и его друга впустить ее посмотреть на Пола Маккартни. «Мой друг ответил: „Впустим мы тебя к Полу, но ты нас поцелуешь всасос и дашь помацать“. Она махом согласилась и отвела нас куда-то на заднюю лестницу. Мне сразу стало как-то стремно, но я поучаствовал в этом, даже несмотря на ее холодность. Этот недостойный опыт вскоре был резко прерван, и мы отвели ее назад к гримерке... а битлов уже и след простыл. Охваченный чувством вины и паникой, я заметался в поисках Пола и, к счастью, нашел его в баре. Тогда я вернулся за девчонкой и привел ее к Полу, окруженному поклонницами. Он обернулся, увидел меня, признал во мне вышибалу и, сообразив, что у меня к нему какое-то дело, вопросительно вскинул брови. Я объяснил, что со мной кое-кто, кто очень хочет с ним познакомиться,

¹ «New Musical Express» (NME) — английский музыкальный журнал, издававшийся с 1952 по 2018 г., в котором также публиковались музыкальные чарты и хит-парады синглов.

и представил Полу призрак, что стоял у меня под боком. Пол учтиво поклонился, а когда я, смущенный, уходил, они уже вежливо болтали».

** В настоящее время он директор Королевской коллекции.

*** Тот самый Стивен Бейли, который в возрасте пятнадцати лет прислал Джону письмо, вдохновившее его на написание песни «I am the Walrus» (см. главу 105).

**** Самая недавняя — от 2018 года, когда Пол Маккартни участвовал в проекте «Carpool Karaoke» (50 000 000 просмотров, 70 000 комментариев); тогда он сказал: «В шестидесятых мне приснился сон, в котором ко мне пришла моя покойная мама и заверила: „Все будет хорошо, будь что будет“. И мне стало так хорошо, как будто все и впрямь будет здорово... И так я написал песню. Но суть в маминой позитивности». В февральском выпуске журнала «Ньюйоркер» за 2020 год Джеймс Корден, который возил Пола по Ливерпулю в эпизоде своего шоу «Carpool Karaoke», признался, что поначалу Пол не горел желанием возвращаться в семейный дом. «Он сказал: „Я как в двадцать лет ушел оттуда, так больше не возвращался. Как-то не с руки мне туда ехать“».